

Леонид Нисман

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ЛУ САЛОМЕ

Леонид Нисман

Лу Саломе

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64489847
Лу Саломе: У Никитских ворот; Москва; 2020
ISBN 978-5-00095-983-1

Аннотация

Книга посвящена жизни и творчеству российской соотечественницы Луизы Андреас-Саломе (Лу Саломе), выдающегося деятеля культурной жизни Европы конца 19-го и начала 20-го века – философа, писателя, эссеиста, психоаналитика, врача-психотерапевта.

Лу Саломе родилась в России, в Санкт-Петербурге. Отец – русский дворянин, генерал, тайный советник. В 19 лет она поступила в Цюрихский университет, так как в России женщин в университеты не принимали. Продолжала образование в Риме.

Круг её интересов широк, а работоспособность феноменальна. Она – автор более двадцати художественных книг и более ста научных и критических статей по философии, религии, искусству, психоанализу, написанных по-немецки, по-русски, по-французски.

Наряду с биографическими данными Лу Саломе в книге представлены собранные в России, Германии, Австрии и в других странах малоизвестные материалы о её творческом пути,

а также о её дружбе и успешном творческом содружестве с выдающимися всемирно известными интеллектуалами своего времени – философами, писателями, учёными.

При работе над книгой использованы архивные и музейные документы, материалы научных конференций и публикации российских и зарубежных исследователей, а также сочинения Лу Саломе, Фридриха Ницше, Райнера Марии Рильке, Зигмунда Фрейда.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

Об авторе	8
Über den Autor	15
About the Author	21
О ней	26
Лу Саломе	28
Родители. Детство	32
Густав фон Саломе	34
Луиза фон Саломе	35
Юность. Пастор	56
Хендрик Гийо	58
Начало полёта	79
Мальвида фон Мейсенбург	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Леонид Нисман

Лу Саломе

© Нисман Л., 2020

* * *

Лу Саломе

(Лу Андреас-Саломе)

Lou Andreas-Salomé

12 февраля 1861 – 5 февраля 1937

Российско-германская писательница, философ, психоаналитик. Родилась в России, в Санкт-Петербурге.

«ГЕНИАЛЬНАЯ РУССКАЯ», вскружившая голову половине Европы.

В неё были влюблены Фридрих Ницше, Пауль Рэ, Райнер Рильке, Фридрих Андреас, Зигмунд Фрейд и не только...

Ни одна женщина за последние сто пятьдесят лет не имела более сильного влияния на страны, говорящие на немецком языке, чем Лу Саломе из Петербурга.

Об авторе

Автор книги «Лу Саломе» Леонид Нисман – человек разносторонний. С одной стороны он – видный ученый, инже-

нер, доктор технических наук, профессор. С другой стороны – автор стихов, прозы, реприз, брошюр, книг. Кто же он на самом деле? Как это всё начиналось и откуда это всё пошло?

Граф Пётр Петрович Шереметев, председатель президиума Международного совета российских соотечественников, написал о нём следующее: «Леонид Нисман – один из «детей Арбата», литератор в душе, выросший в театральной атмосфере и сохранивший обширнейшие дружеские связи в артистической среде, «технар» (доктор технических наук) и преподаватель высшей школы, вечно ищущий и находящий – друзей, великие и малые цели, точки приложения своих многогранных способностей – он своим творчеством, всем жизненным путём, а то и одной-двумя фразами, точным образом или наблюдением даёт нам яркую картину жизни одного из нас».

Если говорить строго, то Леонид Нисман принадлежит не к «детям Арбата», а к замечательной когорте «детей улицы Вахтангова». Он жил на этой улице в детстве и юности.

Чудесная улица! Тогда она располагалась между Арбатом и Собачьей площадкой. Самым знаменитым домом на этой улице тогда была, да и сейчас продолжает быть, «Щука» – ныне Театральный институт имени Бориса Щукина. Кстати, в этом же доме, только в другом его крыле, жило много артистов, в основном, из Театра Вахтангова. А напротив «Щуки» стоял (и стоит до сих пор) двухэтажный дом, в котором

в своё время жил Фёдор Иванович Шаляпин. Он, естественно, занимал весь дом. Потом, после Шаляпина, дом разбили на «общие» квартиры, в одной из которых жил со своей семьёй Леонид Нисман. Теперь в этом доме – режиссёрский факультет «Щуки», который я окончил когда-то.

Леонид был мальчиком общительным и очень быстро подружился со своими сверстниками, детьми живших рядом артистов. Со школьных лет его друзьями стали Миша Державин, Шура Ширвиндт, Слава Шалевич, Митя Дорлиак, Наташа Журавлёва. А в одной квартире с ним жила красавица Валя Малявина. Со временем все они стали очень известными артистами.

Учился он в одной из арбатских школ и окончил её с золотой медалью. Сначала хотел поступать в «Щуку», но жизнь внесла свои коррективы, и он, не без труда, поступил в один из технических вузов Москвы и окончил его, получив диплом с отличием. Учась в институте, активно участвовал в художественной самодеятельности, сочинял тексты для капустников и КВН.

По окончании института работал конструктором, исследователем, много изобретал, одним из первых в стране внедрил систему автоматического проектирования (САПР).

Успешно защитился, параллельно с основной работой преподавал в различных вузах Москвы. Написал и опубликовал более 70 научных трудов – авторские свидетельства, статьи, брошюры, книги (в том числе несколько учебных по-

собий). Всё это – техническая литература.

Но, начиная ещё со школы, Леонида Нисмана тянула к себе художественная литература. И не только как читателя. Он писал и пишет до сих пор стихи и прозу, участвует в создании различных представлений, пишет песни и репризы, делает переводы с немецкого и английского языков.

После переезда в Германию, он не прерывает связи с Россией, участвует в разработке и реализации ряда успешных совместных российско-германских проектов. Получил степень доктора технических наук и звание профессора. Активно включился в работу Международного совета российских соотечественников (МСРС), был избран членом его Президиума.

Круг его знакомых и друзей широк и разнообразен. Среди них знаменитые российские соотечественники граф: Петр Петрович Шереметев и князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, известный исследователь Арктики и Антарктики, крупный российский учёный-океанолог Артур Чилингаров, один из сильнейших шахматистов мира Левон Аронян, знаменитые деятели культуры – Зураб Церетели, Аркадий Инин, Леонид и Александр Каневские, Надежда Бабкина, Вероника Боровик-Хильчевская, Роксана Баба-ян. С институтских времен дружит с Юрием Михайловичем Лужковым.

Жизнь подарила ему счастье знакомства и общения с ушедшими от нас выдающимися представителями отече-

ственной культуры – великим поэтом и переводчиком Самуилом Маршаком, королём танго Оскаром Строком, знаменитым кинорежиссёром Григорием Чухраем, замечательными актёрами Владимиром Зельдиным и Семёном Фарадой, легендарным журналистом Артёмом Боровиком, мэтром российской эстрады Иосифом Кобзоном, популярнейшими певцами Эдуардом Хилем и Валентиной Толкуновой, писателем, поэтом, переводчиком, журналистом, издателем, коллекционером неофициального русского искусства, одним из организаторов «Бульдозерной выставки» в Москве (1974) Александром Глезером.

В 2009 году вышла в свет его книга «Мои друзья – моё богатство». Потом им были написаны и изданы ещё несколько его книг.

В 2018 году вышла книга Леонида Нисмана «Русский язык. Трудности, тайны, тонкости и не только...», написанная сочным, красочным языком, весёлая, лёгкая и, одновременно, познавательная и образовательная. Через всю книгу проходит мысль, что «великий, могучий, правдивый и свободный» язык для русского человека – не только «поддержка и опора во дни сомнений и тягостных раздумий», но и бездонный источник наслаждения в повседневности.

В 2019 году издана его книга «Знаменитые бастарды в русской культуре».

Ну а почему у него возникла идея написать книгу о Лу Саломе? Точно на этот вопрос может ответить только сам

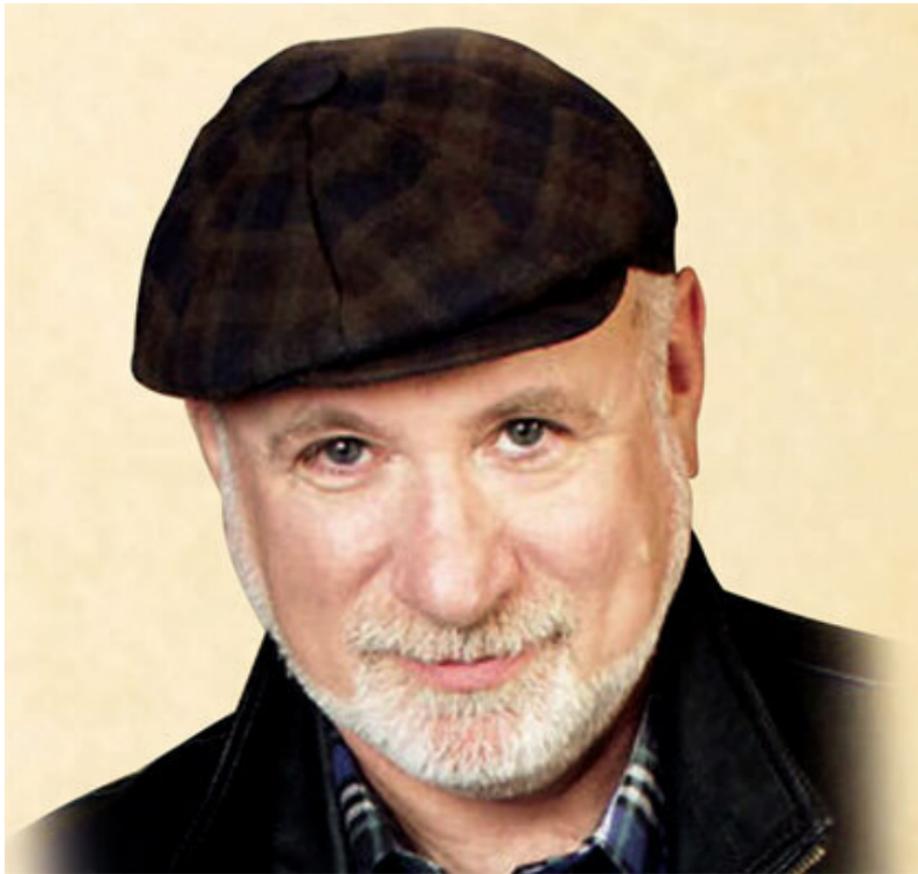
автор. Хотя некоторые мысли на этот счёт напрашиваются.

Как это ни кажется странным, но в судьбах автора и его героини есть много похожего. Оба родились в России, а потом переехали в Германию. У обоих основной профессией является не литература, но они любят её и относятся к ней профессионально. Оба добились значительных успехов как в своей основной профессии, так и в литературе. У обоих – широкий и разнообразный круг друзей и знакомых, каждый из которых является весьма авторитетным и значимым человеком в своей области деятельности.

Для написания книги автору необходимо было «перелопатить» огромное количество самых разнообразных источников на разных языках. Он сделал это!

Но главное – это то, что Леонид Нисман «вернул» Лу Саломе в Россию. До последнего времени она была широко известна во всей западной Европе, но практически неизвестна в России, на своей родине. Книга Леонида Нисмана поможет исправить эту несправедливость.

Спасибо ему за это!

Борис Львович (это фамилия!) режжисёр, актёр, литератор, коллекционер актёрских баек, Заслуженный артист России.

Über den Autor

Der Autor des Buches «Lou Salomé» Leonid Niessmann ist ein vielseitiger Mensch. Einerseits ist er Wissenschaftler, Professor (h.c), Doktor, Diplom-Ingenieur der technischen Wissenschaften. Andererseits – Autor von Gedichten, Prosa, und Sachbüchern. Wer ist er wirklich? Wie fing alles an und woher kommt seine Vielfältigkeit?

Graf Pjotr Petrowitsch Scheremetew, der Vorsitzender des Präsidiums des Internationalen Rates der Russischen Landsleute, hat Folgendes geschrieben: «Leonid Niessmann – eines „der Kinder vom Arbat“ (eine Straße im historischen Zentrum von Moskau), Literat in der Seele, großgeworden in der Theateratmosphäre, wo er umfangreiche freundschaftliche Beziehungen im künstlerischen Milieu bis heute pflegt, und Naturwissenschaftler (Doktor der technischen Wissenschaften) und Dozent an einer Hochschule, ein ewig Suchender. Dabei findet er Freunde und immer wieder für ihn offene Punkte, die für ihn eine Herausforderung seiner vielfältigen Fähigkeiten darstellen. Dabei gibt er uns mit seinem kreativen Lebenswerk, manchmal mit nur ein bis zwei Sätzen, mit seiner Gabe der genauer Beobachtung, tiefe Einblicke in die unterschiedlichsten Bereiche des Lebens von jedem von uns».

Um wirklich genau zu sein, gehört Leonid Niessmann nicht zu «den Kindern von Arbat», sondern zur bemerkenswerten

Kohorte der «Kinder der Wachtangow Straße» (so hieß sie von 1934-1994, heute -Bol'shoy Nikolopeskovskiy Pereulok), da lebte er in seinen Kinder- und Jugendjahren.

Eine wunderbare Straße! Sie befand sich zwischen der Arbat-Straße und einem damals sehr bekannten Platz in Moskau, der «Hundeplatz» hieß. Damals wie heute ist das berühmteste Haus in dieser Straße eine Theaterschule, benannt nach Boris Wassiljewitsch Schtschukin, im Volksmund «Schtschuka» (übersetzt «Hecht»). In diesem Haus, nur in einem anderen Flügel, lebten viele Künstler und Schauspieler, die hauptsächlich am Wachtangow Theater tätig waren. Gegenüber von «Schtschuka» stand und steht bis heute ein zweigeschossiges Haus, in dem Fjodor Iwanowitsch Schaljapin mit seiner Familie lebte. Später wurde dieses Haus in Wohngemeinschaften (eine Wohnform in Russland, wo mehrere Familien eine Wohnung teilen mussten) geteilt. In einer dieser Wohngemeinschaften lebte die Familie von Leonid Niessmann. Heutzutage befindet sich in diesem Haus die Regiefakultät von «Schtschuka», an der ich selbst einst studiert habe.

Leonid war ein geselliger Junge und freundete sich sehr schnell mit seinen Altersgenossen, Kindern der nebenan lebenden Künstler, an. Seit der Schulzeit gehörten zu seinen Freunden Mischa Derschawin, Schura Schirwindt, Slawa Schalewitsch, Mitja Dorliak, Natascha Schurawljowa. Und in seiner Wohngemeinschaft lebte die schöne Walia Maljawina. Mit der Zeit sind sie alle sehr bekannte Schauspieler geworden.

Er ging zur Schule in der Arbat-Straße und absolvierte sie mit einer goldenen Medaille. Gleich danach wollte er an der Theaterschule «Schtschuka» studieren, aber das war aufgrund der damaligen Lebensbedingungen nicht möglich, und er hat an einer der technischen Hochschulen Moskaus studierte. Das Studium absolvierte er mit einem Diplom mit Auszeichnung.

Noch während seines Studiums nahm er an Amateurkunst-Arbeitsgemeinschaften aktiv teil, verfasste humorvolle Texte für den «Club der fröhlichen und erfinderischen Menschen» (russ. «KBH»).

Nach seinem Hochschulabschluss arbeitete er als Konstrukteur und Forscher, er hat einiges erfunden und war einer der Ersten im Lande, der ein Computer-Aided-Design-System (CAD) in seinem Unternehmen einführte.

Er promovierte und lehrte als Dozent parallel zu seiner Haupttätigkeit an verschiedenen Hochschulen Moskaus. Für seine Erfindungen bekam er einige Urheberrechtsbescheinigungen. Er veröffentlichte auf seinem Gebiet mehr als 70 wissenschaftlicher Arbeiten, darunter auch mehrere Lernbücher.

Aber schon zu Schulzeiten fühlte sich Leonid Niessmann zur schöngeistigen Literatur hingezogen. Nicht nur als ein Leser. Er schrieb und schreibt bis heute Gedichte, nimmt teil an der kreativen Gestaltung von verschiedenen Vorstellungen wie kleinen Theaterstücken etc., verfasst Lieder-Texte. Dabei übersetzt er so manches aus dem Deutschen und Englischen in

seine russische Muttersprache.

Nach seinem Umzug nach Deutschland hat er die Verbindung mit Russland nicht abgebrochen, er nimmt an der Entwicklung und der Realisierung einer Reihe von erfolgreichen russisch-deutschen Projekten teil. Für diese Arbeit wurde er mit einem Professor Titel geehrt. Er ist aktiv beteiligt an der Arbeit des Internationalen Rates der russischen Landsleute (russ. «MCPC») und ist gewähltes Mitglied seines Präsidiums.

Der Kreis seiner Bekannten und Freunde ist breit und vielfältig. Unter ihnen befinden sich sehr berühmte russische Landsleute wie Graf Pjotr Petrowitsch Scheremetew und Fürst Nikita Dmitrijewitsch Lobanow-Rostowski, ein bekannter Arktis und Antarktis Forscher, der Ozeanforscher Arthur Tschilingarow, einer der besten Schachspielern der Welt Lewon Aronjan, berühmte kulturelle Persönlichkeiten wie der Bildhauer Surab Zereteli, Schriftsteller Arkadij Inin, Schauspieler Leonid und Schriftsteller Alexander Kanewski, Sängerin, Schauspielerin und vieles mehr – Nadezhda Babkina, Journalistin Weronika Borowik-Chiltschewskaya und Sängerin Roksana Babajan. Schon seit Studentenzeiten ist Leonid Niessmann mit Jurij Michajlowitsch Luschkow befreundet.

Er hatte das Glück, bekannt zu sein und Gespräche mit hervorragenden, leider schon von uns gegangenen Vertretern einheimischer Kultur, führen zu können: mit dem großen Dichter und Übersetzer Samuil Marschak, dem «König des Tangos» Oskar Strok, dem berühmten Filmregisseur Grigorij

Tschuchraj, den bemerkenswerten Schauspielern Wladimir Seldin und Semjon Farada, dem sagenhaften Journalisten Artjom Borowik, dem Maitre der russischen Bühne Joseph Kobson, dem populärsten Sänger Eduard Chil und der Sängerin Walentina Tolkunowa, dem Schriftsteller, Dichter, Übersetzer, Journalist, Herausgeber, Sammler verbotener russischer Kunst, einer der Organisatoren «Planierraupenausstellung» in Moskau (1974) Alexander Gleser.

2009 wurde sein Buch «Meine Freunde – mein Reichtum» veröffentlicht. Weitere Bücher folgten.

2018 wurde sein Buch «Die Russische Sprache. Die Schwierigkeiten, das Geheimnis, die Feinheit und nicht nur...» veröffentlicht. Das Buch ist in einer kräftigen, farbenfrohen Sprache, lustig und leicht geschrieben und vermittelt dennoch umfangreiches Wissen. Durch das ganze Buch zieht als roter Faden der Gedanke, dass eine «große, mächtige, wahre und freie» Sprache für den russischen Menschen nicht nur «die Unterstützung und die Stütze in den Tagen der Zweifel und des lästigen Nachdenkens», sondern auch die unerschöpfliche Quelle des Genusses im alltäglichen Leben ist.

2019 erschien sein Buch «Berühmte Bastarde in der russischen Kultur».

Nun stellt sich die Frage, warum bei ihm die Idee entstand, ein Buch über Lou Salomé zu schreiben? Genau kann diese Frage nur der Autor beantworten, obwohl sich einige Gedanken anbieten.

Es mag seltsam scheinen, aber die Schicksale des Autors und seiner Heldin haben einige Gemeinsamkeiten. Beide wurden in Russland geboren und sind später nach Deutschland gezogen. Beide sind in ihrem Hauptberuf keine Literaten, aber sie mögen Literatur und beschäftigen sich professionell mit ihr. Beide haben bedeutende Erfolge sowohl im Hauptberuf, als auch in der Literatur erreicht. Beide hatten / haben breite und vielfältige Freundes- und Bekanntenkreise, von denen jeder einzelne in seinem Tätigkeitsbereich ein sehr maßgeblicher und bedeutsamer Mensch war.

Für das Schreiben des Buches war ein enormes Studium der vielfältigsten Quellen in verschiedenen Sprachen notwendig. Er hat es gemacht!

Aber die Hauptsache ist, dass Leonid Niessmann mit diesem Buch Lou Salomé dem russischen Leser «zurückgegeben hat». Sie war im ganzen westlichen Europa bekannt, aber in Russland, ihrer Heimat, tatsächlich unbekannt. Das Buch Leonid Niessmanns wird helfen, dieses Unrecht zu beheben.

Dafür gebührt ihm Dank!

Boris Lwowitsch (Es ist der Familienname)

Der Regisseur, der Schauspieler, der Literat, Der Sammler der schauspielerischen witzigen Geschichten, Der Verdiente Künstler Russlands.

Перевод Елены Михневич

About the Author

The author of the book «Lou Salome» Leonid Niessmann is a man of varied attainments. On the one hand he is a prominent scholar, engineer, Doctor of Technical Science, Professor. On the other hand, he is the author of poems, prose, patters, brochures and books. What is he in fact? How did it all start and where did it all come from?

Count Pyotr Petrovich Sheremetyev, Chairman of the Presidium of International Council of Russian Compatriots, wrote about him the following: «Leonid Niessmann is one of the "children of the Arbat", a man of letters in his heart, who grew up in a theatrical atmosphere and has retained wide friendly connections in the artistic environment. Leonid is a "digithead" (Doctor of Technical Science) and a high school teacher, always hunting for and finding everything for himself – friends, great and small goals, points of application for his many-sided abilities. He gives us a vivid picture of life of one of us either through his creativity, his life journey, his experience or just in one or two phrases, by means of an accurate image or observation».

Strictly speaking, Leonid Niessmann does not belong to the «children of the Arbat», but to the wonderful cohort of «children of the Vakhtangov street». He lived in this street in his childhood and youth.

What a wonderful street! At that point in time it was located between the Arbat and the Dog Playground. Back then the most famous house in this street was, and still is, «Shchuka» – Theater School named after Boris Vasilyevich Shchukin. Besides, in the same house, but in its other wing, there lived a lot of actors, mainly from the Vakhtangov theater. Opposite «Shchuka» there was (and still is) a two-storey house, in which once lived Fyodor Shalyapin. Of course, he occupied the whole house. Then, after Shalyapin, when the house was divided into «common» apartments, Leonid Niessmann's family used to live in one of them. Today Stage Directing Faculty of Shchukin Art School is located in this house – the one, which back in the old days I graduated from.

Leonid was a sociable boy and very quickly became friends with his peers, children of the actors who lived nearby. In his school years his friends were Misha Derzhavin, Shura Shirvindt, Slava Shalevitch, Mitya Dorliak, Natasha Zhuravleva. He shared the same apartment with the real beauty Valya Malyavina. In the course of time, they all became very famous actors.

Leonid studied in one of the Arbat schools and graduated with the gold medal. At first he wanted to go to «Shchuka», but life made some adjustments, and he, not without difficulty, entered one of the technical Universities of Moscow and graduated with honors. While studying at the University he actively participated in amateur performances, wrote lyrics for the student parties and «wits and humour» competitions.

After graduation, he worked as a designer, researcher, invented a lot, became one of the firsts in the country to introduce the automatic design system (CAD).

He defended his thesis successfully, combined the main work with teaching at various Universities in Moscow. Since then he has written and published more than 70 scientific works – author's certificates, articles, brochures, books (including several textbooks). All these are technical literature items.

But since school years Leonid Niessmann has aspired after fiction. And not only as a reader. Ever since he has been writing poetry and prose, participating in the creation of various performances, composing songs and patters, making translations from German and English.

Having moved to Germany, Leonid does not break ties with Russia, participates in the development and implementation of a number of successful joint

Russian-German projects. He has received the degree of Doctor of Technical Science and the title of Professor. He is actively involved in the work of the International Council of Russian Compatriots, being elected a member of its Presidium.

The circle of his friends and acquaintances is wide and diverse. Among them there are famous Russian compatriots – count Pyotr Sheremetyev, Prince Nikita Lobanov-Rostovsky, a well-known researcher of the Arctic and Antarctic, an outstanding Russian scientist-oceanographer Artur Chilingarov, one of the top-rank chess-players in the world Levon Aronian,

distinguished cultural figures – Zurab Tsereteli, Arkady Inin and Leonid and Alexander Kanevsky, Nadezhda Babkina, Veronica Borovik-Khilchevsky, Roxana Babayan. Since Institute times Leonid has been friends with Yuri Luzhkov.

Life gave him the happiness of being acquainted and keeping company with now deceased outstanding representatives of national culture – a great poet and translator Samuil Marshak, the king of tango Oscar Strok, a famous film Director Grigory Chukhrai, wonderful actors Vladimir Zeldin and Semyon Farada, the legendary journalist Artyom Borovik, the master of the Russian art of singing Josiph Kobzon, the popular singers Eduard Khil and Valentina Tolkunova and also Alexander Glezer -a writer, poet, translator, journalist, publisher, collector of unofficial Russian art, one of the organizers of the «Bulldozer exhibition» in Moscow (1974).

In 2009, his book «My Friends Are My Wealth» came out. Later he wrote and published several more of his books.

In 2018 Leonid Niessmann's book «Russian Language. Difficulties, Secrets, Subtleties and Not Only...» was published. Written in vibrant, colorful language, it is cheerful, easy and at the same time informative and educational. The keynote of the whole book is the thought that «great, powerful, truthful and free» language for the Russian people is not only «support and comfort in the days of doubt and painful thoughts», but also an ever-living source of enjoyment in everyday life.

In 2019 his book «Famous Bastards in Russian Culture» was

published.

Why did the idea to write a book about Lou Salome cross his mind? Only the author himself can give a perfect answer, although some thoughts on this matter do arise.

Strange as it may seem, the fates of the author and his heroine have much in common. Both were born in Russia and then moved to Germany. The main profession of both is not literature, but they love it and take it professionally. Both achieved significant success in their main profession and in literature as well. Both have a wide and varied circle of friends and acquaintances, each of whom is a very influential and important person in their field of activity.

To write the book, the author had to sift through a huge number of different sources in different languages. He did it!

But what's the most important is that Leonid Niessmann has «brought back» Lou Salome to Russia. Until recently, she was widely known throughout Western Europe, but was virtually unknown in Russia, her homeland. Leonid Niessmann's book will help to repair this injustice.

Thank him for that!

Boris Lwowitsch (This is the surname!)

Director, actor, writer, collector of actors' witty tales, Honoured Artist of Russia.

Перевод Ирины Пластуновой

О ней

Über Sie

About Her

Лу Саломе

Лу фон Саломе, Лу Андреас-Саломе, Lou Andreas-Salome

**12.02.1861 Петербург, Россия –
5.02.1937 Геттинген, Германия.**

Известная деятельница культурной жизни Европы конца XIX и начала XX века – философ, писатель, эссеист, психоаналитик, врач-психотерапевт – родилась в самом сердце России – в Санкт-Петербурге, в здании генерального штаба на Дворцовой площади. Ей была суждена слава в большом мире и практически полное забвение на родине.

Она родилась в России, в самом сердце её в Санкт-Петербурге. В доме, окна которого выходили на Дворцовую площадь. Жила там до 19 лет. Отец – русский генерал, тайный советник. В юности был близок с Лермонтовым.

Она была шестым ребёнком в семье. У неё было пять старших братьев. С детства говорила на русском, немецком, французском и английском языках. В возрасте 18 лет выучи-

ла плюс к этому ещё и голландский язык.

В 19 лет уехала с матерью в Цюрих и поступила там в университет, так как в то время в России женщин в университеты не принимали. В Цюрихе изучала теологию, философию, историю.

Через два года переезжает в Рим и продолжает своё образование там. Жизнь её, как творческая, так и личная, была насыщенной и интересной. Она была знакома, дружила и успешно сотрудничала с выдающимися, всемирно известными интеллектуалами своего времени – философами, писателями, учёными.

Круг её интересов чрезвычайно широк, а её работоспособность просто феноменальна. Она является автором двадцати художественных книг и более ста научных и критических статей по философии, религии, искусству, психоанализу, написанных как по-немецки, так и по-русски, и по-французски.

В основном, писала она по-немецки. Тем не менее в её творчестве есть то, что делает эту немецкую писательницу интересной и близкой российскому читателю, её привязанность к России. Она не просто любила Россию и тосковала по ней. Она ощущала свою причастность ко всему, что происходило в далёкой северной стране, где оставались родные и близкие ей люди. Обретаясь в городах Западной Европы, она была как бы посланником русской культуры. Россия присутствует – прямо или опосредованно – почти во всех её книгах.

Живя в Европе, в основном, в Германии, она почти ежегодно приезжала в Россию, чтобы навестить мать и братьев. Встречалась и беседовала с Иваном Тургеневым, со Львом Толстым, Ильёй Репиным, Леонидом Пастернаком, Александром Бенуа.

В конце жизни ей пришлось пережить приход к власти Гитлера. Умерла она в Германии незадолго до начала Второй мировой войны. Она не пожелала ни торжественно-лицемерных речей над своей могилой, ни подобающего памятника.

На плите, под которой покоится её прах, нет ни имени, ни дат. Казалось, она стремилась стереть своё имя из памяти истории, не придавая значения тому, кем она была для других.

Следует признать, однако, что как писательницу её при жизни явно недооценили. Да это и понятно: её спорадически появлявшиеся книги вряд ли могли конкурировать в Германии и Австрии с тем, что поставляли на книжный рынок Генрих и Томас Манны, Герхард Гауптман, Бернхард Келлерман, Герман Гессе и другие известнейшие писатели.

В своих книгах она касалась проблем, казавшихся тогда несвоевременными. Интерес к ним возник значительно позднее. Можно с уверенностью сказать, что она оставила яркий, запоминающийся след в европейской культуре не только своего времени, но и всего XX века.

Её имя в России до последнего времени широкому читателю было практически неизвестно. Только сейчас начинают

появляться первые материалы о ней.

С гордостью за неё, нашу российскую соотечественницу, читается оценка, данная известным немецким писателем и издателем: *«Ни одна женщина за последние сто пятьдесят лет не имела более сильного влияния на страны, говорящие на немецком языке, чем эта женщина из Петербурга».*

Родители. Детство

Eltern. Kindheit

Parents. Childhood

Густав фон Саломе

Gustav von Salome

1806 – 1879

Заслуженный русский генерал немецкого происхождения, образование получил в России, статский советник, инспектор русской армии.

Луиза фон Саломе

(Урождённая Вильм), Louise
von Salome (Louise Wilm)

1823 (Россия) – 1913

Из датских немцев, дочь сахарозаводчика.

Лу Саломе родилась в семье заслуженного русского генерала немецкого происхождения Густава фон Саломе.

Его немецкие предки жили во Франции, в Авиньоне, и были гугенотами. В 16-м столетии они были изгнаны из Франции. Стремление избавиться от преследований католической церкви (вспомним Варфоломеевскую ночь, массовую резню гугенотов, устроенную католиками в канун дня святого Варфоломея в ночь на 24 августа 1572 года, когда погибло около 30 тысяч человек) естественным образом объясняло их последовательное перемещение на северо-восточную протестантскую часть Европы, в нынешнюю Прибалтику, и далее – в Петербург, на самый отдалённый, самый враждебный «латинянам» православный её край.

Густав Саломе с семьёй оказался в Петербурге в 1810 году. Образование он получил в России. На волне патриотических чувств после разгрома наполеоновской армии он поступил на военную службу.

Его более чем успешная карьера началась при императоре Николае Первом. За успешное подавление польского восстания 1830 года Николай Первый присвоил ему русский потомственный дворянский титул вдобавок к французскому. Уже в двадцать пять лет он был самым молодым полковником русской армии. В скором времени ему было присвоено звание генерала. Плюс к этому Густав Саломе был принят в генштаб русской армии и назначен статским советником.

Он твёрдо придерживался реформистской веры и добился высочайшего разрешения на основание в Петербурге реформистской протестантской церкви.

Карьера его неуклонно шла в гору. При императоре Александре Втором он уже исполнял обязанности инспектора русской армии.

Мать Лу, Луиза фон Саломе, урождённая Луиза Вильм (1823 1913), родилась в состоятельной северо-германско-датской семье. Её отец был сахарозаводчиком. Она происходила из датских немцев, но родилась в России. В 1844 году 21-летняя Луиза сочеталась браком с 38-летним генералом Густавом фон Саломе.

С детских лет Луиза Вильм была готова к роли хозяйки большого дома с прислугой. Впрочем, позднее, когда в руки

Лу попал её дневник с молитвами и афоризмами, она обнаружила, что матери была присуща и романтическая жилка.

Семья Саломе жила в большой великолепно оснащённой квартире в здании Генерального штаба на Дворцовой Площади в Санкт-Петербурге и, кроме того, имела дачу в Петергофе недалеко от летней резиденции царя.

Лу была шестым ребёнком и единственной дочкой в семье. Густаву фон Саломе было уже пятьдесят пять лет, когда его жена после пяти сыновей родила в феврале 1861 года долгожданную девочку. Дочку называли, как и мать, Луизой.

Маленькую Луизу Саломе дома звали на русский манер – Лёлей. Чувство некоторой исключительности принадлежало ей уже по праву рождения – маленькая Лёля сразу стала любимицей, ведь пятидесятипятилетний отец давно мечтал о девочке. И хотя мать большого семейства Луиза (урождённая Вильм), по собственному признанию, предпочла бы иметь ещё одного сына, всё же быстро присоединилась ко всеобщему культу.

Генетически в ней ничего русского не было, хотя в России она провела всё свое детство и раннюю юность. Неоспоримое воздействие на становление этой крайне своеобразной натуры оказали факт рождения, русский образ жизни, точнее, образ жизни столичных дворянских кругов, русская природа, климат, русские обычаи и нравы. Россия до последнего дня оставалась для неё родиной.

Густав и Лу.

Видимо, эта благоприобретённая русскость вместе с передавшейся от матери немецкой основательностью и унаследованной от отца гугенотской въедливостью в вопросах мо-

рали и веры породили этот характер, отмеченный недюжинным умом, неукротимым и своевольным нравом и неистребимым вольнолюбием.

Не отдаваясь до конца ничему и никому, Лу Саломе берегла как высшее достояние свою внутреннюю свободу. Да и внешней, как видно из воспоминаний о прожитом и пережитом, не поступалась никогда.

В семье говорили, в основном, по-немецки, но у Лёли была русская няня и гувернантка-француженка. Училась же Лёля в частной английской школе. Таким образом, она говорила сразу на нескольких языках. Дома родители переходили с немецкого на французский, а в присутствии няни говорили на русском языке. Слугами в доме были татары, швабы, эстонцы.

Маленькая Лу.

Сам генерал считался большим русским патриотом и ста-

рался привить дочке любовь к русской культуре и литературе. «Мы чувствовали себя не только на русской службе, но и русскими, – писала Лу в воспоминаниях, – отец был близок с Лермонтовым и, хотя не разделял его взглядов, пытался ему помогать». Маленькая Лу жила в отдельном крыле генеральского дома вблизи Эрмитажа, Адмиралтейства, посольств и клубов. Петербург для неё соединял обаяние Парижа и Стокгольма.

Лу и мама.

Лу – девушка.

Она росла в атмосфере, насыщенной интеллектуально и политически. В год её рождения было отменено крепостное право, а во времена юности были написаны главные романы Толстого и Достоевского. На глазах Лёли передовые женщины круга их семьи вступали в революционные кружки, боролись за эмансипацию.

«Братская сплочённость мужчин в нашем семейном кругу, – вспоминала она, – для меня, как самой младшей и единственной сестрёнки, столь убедительным образом запечатлелась в памяти, что с тех давних пор она переносилась в моём сознании на всех мужчин мира. Когда я раньше или позже их где бы то ни было встречала, мне всегда казалось, что в каждом из них скрыт один из моих братьев».

Общепризнанная любимица в семье, она, казалось бы, должна была иметь классическое счастливое детство, но на самом деле росла странной девочкой, даже дичком. *«Моё детство прошло в совершенно фантастическом одиночестве, и в дальнейшем все мои мысли и устремления развивались вопреки всем семейным традициям и приводили к неприятностям».*

По большому счёту, Лу жила островитянкой-отшельницей-робинзоном на элитном острове, не принимала участия в семейных приёмах, не искала контакта со сверстниками, и её внутренняя жизнь занимала её несравненно больше, чем любые внешние события. Лу часами гуляла в садах Петер-

гофа, где она проводила каждое лето, и рассказывала петергофским цветам придуманные ею истории.

В полном соответствии с классикой Эдипова комплекса Лу тянулась к отцу, который являлся для неё непререкаемым авторитетом, и с детства была отчуждена от матери.

Из воспоминаний Лу: *«Ещё в очень раннем детстве моего отца и меня связывала некая неуловимая тайная нежность, о которой я лишь смутно припоминаю, что она исчезала при появлении Мушки (так в семье называли мать), которая не одобряла выражения чувств.»*

В старых письмах моего отца к матери, в то время как она с младшими детьми находилась в заграничном путешествии, я прочитала после его смерти приписку: «Поцелуй за меня нашу маленькую девочку. Думает ли она ещё иногда о своем старом папе?»»

Горячие воспоминания нахлынули на меня... Мне припомнились наши прогулки в ясные зимние дни вдвоём: повиснув на его руке, я полетела огромными парящими в воздухе шагами рядом с его длинным спокойным шагом».

«Я выросла между двумя офицерскими униформами в полном смысле. Мой отец был генералом; на гражданском поприще он стал называться государственным советником, тайным советником, затем действительным тайным советником, но по службе оставался в здании генералитета также и в преклонном возрасте».

И ещё: *«Не менее памятна мне изготовленная по распо-*

ржжению царя для моей матери нарядная игла, имитирующая золотую почётную саблю, с которой свисали все ордена моего отца – в крошечном, но точном воспроизведении».

Впрочем, впоследствии Лу признавала, что в её отношениях с обоими родителями отсутствовала, по сравнению с огромным большинством детей, пылкость в проявлении чувств, будь то утешение или любовь. Всегда оставалось пространство некоторой дистанции... или свободы.

Более душевными и, во всяком случае, специфически русскими были её воспоминания о кормилице и няне. Кормилица в семье была только у Лёли.

«Моя кормилица, мягкая красивая женщина, была очень привязана ко мне. Позже, после того как она совершила паломничество в Иерусалим, она даже достигла «Малого Святого Причастия», над чем мои братья громко хохотали и что меня сделало невероятно гордой за мою кормилицу.

Русские няньки справедливо славились своими удивительными материнскими чувствами (хотя, конечно же, гораздо меньшим искусством воспитания), и не всякая родная мать могла бы в этом с ними тягаться. Среди них нередко ещё встречались отпрыски крепостных крестьян.

Вообще же русские слуги в нашей семье были изрядно разбавлены «нерусскими элементами»: татарами-кучерами, которым отдавалось предпочтение из-за их воздержания от спиртного, и эстонцами.

В нашем доме смешались веры евангелическая, греко-ка-

толическая и магометанская, старьй и новьй календарный стили в отношении постов и выдачи жалования. Ещѐ более пѣстрым всё это было в результате того, что нашим загородным домом в Петергофе управляли швабские колонисты, которые в одежде и в языке строго придерживались своих образцов, действующих на давно покинутой швабской родине».

Девочка росла самостоятельной, погружѐнной в себя и мечтательной. Она никогда не играла в куклы, она играла в выдуманные истории – разговаривала с цветами, растущими в саду в Петергофе, где проводила каждое утро, сочиняла сказки о людях, которых видела на улице.

«Я часто была непослушной девочкой, и из-за этого меня ужасно наказывали берѐзовой веточкой, на которую я никогда не упустила случая пожаловаться Доброму Богу. И он был полностью на моей стороне и даже иногда разгневан...»

Конечно, строптивости и упрямства Лу было не занимать, но главная причина её разногласий с миром взрослых крылась в ином.

«Живость моего воображения постепенно подводила меня к расширению рамок каждодневной жизни видениями, которые я накладывала на реальные события и которые чаще всего вызывали улыбку.

Однажды летним днѐм, когда я возвращалась с прогулки с одной родственницей чуть старше меня, нас спросили: *«Ну хорошо, что вы видели на прогулке?»* Со множеством

подробностей я рассказала целую драму. Моя маленькая спутница, по-детски честная и простодушная, посмотрела на меня с расстроенным видом и оборвала меня, крича ужасным голосом: «Но ты же лжёшь!» Мне кажется, что именно с того дня я старалась выразиться точно, пытаюсь ничего не добавлять, даже самую малость, хотя эта ограниченность, которую мне навязывали, меня страшно расстраивала».

Дело было в том, что близкие Лу люди подчас не проводили различия между мифом и ложью. После этого случая Лу поняла, что ей нужно изменить слушателя своих историй на бесконечно щедрого и доверчивого. Свои сказки о подлинной жизни она начала рассказывать по вечерам в темноте Доброму Богу.

«Я ему изливала легко, без понукания, целые истории. Эти истории были особенными. Они возникали, мне кажется, из желания обладать властью, чтобы присоединить к Доброму Богу внешний мир, такой будничным рядом со скрытым миром. И совсем не случайно, если я заимствовала материал для своих историй в реальных событиях, во встречах с людьми, животными или предметами: иметь Бога в качестве слушателя было достаточным основанием, чтобы придать им сказочный характер, который мне не нужно было подчёркивать.

Напротив, речь шла только о том, чтобы убедиться в существовании реального мира. Конечно, я не могла расска-

затянуть ничего такого, чего Бог в своем вечном всеведении и могуществе уже бы не знал. Но это как раз и гарантировало в моих глазах несомненную реальность моих историй. Поэтому, не без удовлетворения, я начинала всегда с этих слов: „Как Тебе известно...“»

Луиза росла любимицей в семье, и ей прощалось буквально всё. Она вспоминала, что её не наказали даже тогда, когда она позволила себе швырнуть на пол семейную икону, заявив, что не будет ходить в церковь, потому что Бога нет иначе как он мог допустить смерть её любимой кошки?

Она наотрез отказалась от первого причастия, и родители не стали её принуждать. Точно так же они пошли навстречу дочери, когда Луиза потребовала, чтобы ей разрешили учиться дома и заниматься только теми предметами, которые она сама считала полезными: философией, литературой, историей.

Она мечтала стать то философом, то поэтессой, то террористкой, как Вера Засулич, портрет которой она хранила у себя. В ту пору женщины даже активнее мужчин участвовали в революционных движениях, и Луиза была убеждена, что именно слабый пол является носителем силы, а вовсе не мужчины.

Отношения Лу со школьными товарищами из частной английской школы (состав учеников был очень разношёрстным в национальном отношении) у неё не складывались в силу её глубокой интровертности (как известно, интровер-

ты держат все свои чувства в себе), а также из-за её полного безразличия к модной тогда политической проблематике.

Отец её, строгий генерал, проявив неслыханный для себя либерализм, разрешил Лу не посещать школу, сказав: «Школьное принуждение тебе ни к чему». Лу об этом никогда не пожалела. Позднее в своих воспоминаниях («Опыт России») она утверждала, что ни в маленькой частной английской школе, которую она посещала сначала, ни в последующей большой она «ровным счётом ничему не научилась».

«Тогда повсюду, вплоть до школьных заведений, бродил дух восстания. Едва ли можно было быть молодым и оживлённым, не будучи захваченным этими настроениями. К тому же дух родительского дома, несмотря на лояльное отношение семьи к бывшему царю Николаю I, был проникнут атмосферой озабоченности и настороженности по отношению к существующей политической системе, в частности, после реакционных преобразований царя-освободителя Александра II».

Генерал махнул рукой на формальности образования, и Лу росла в полном смысле слова самоучкой. Отцовская терпимость дала великолепные плоды: трудно найти более страстно одержимого идеей постоянной учёбы человека, чем Лу, притом на протяжении всей её жизни.

Пренебрегавшая в школе русским языком, уже позже тридцатисемилетняя Лу вместе с Райнером Рильке будет

жадно навёрстывать упущенное, одержимо штудировав русскую историю и литературу. Она будет много переводить с русского на немецкий и напишет серию эссе о русской культуре. И, наконец, рассказывая в воспоминаниях о том периоде своей жизни (Лу было уже за пятьдесят), когда её захватил психоанализ, она именно так и назвала это повествование – «В школе Фрейда».

Воистину отсутствие в детстве образовательной муштры обернулось для Лу тем, что учение стало её способом жизни.

Культурная гибкость, которая позволила Лу так органично влиться в европейский контекст, была во многом предзадана её образованием и особенностями повседневного быта. Но в Лу надолго остался открытым вопрос её подлинной культурной принадлежности. Годами она возвращалась к истокам, «вращалась», как она выразилась, в свою «русскость».

Сам Санкт-Петербург, это притягательное соединение Парижа и Стокгольма, с его царским великолепием, с катаниями на санях и железными зданиями в иллюминации на Неве, с его поздними вёснами и горячими летами, производил на Лу впечатление чисто интернационального города.

Образ города детства стал первой ниточкой того волшебного клубка, который приведёт Лу к позднему открытию России. И потом всегда, всякий раз заново дымка белых петербургских ночей, голос кондуктора в вагоне, называющий её матушкой или голубушкой, тройной звонок – сигнал к отъезду – пробуждали в ней «незабываемое счастье роди-

ны».

Знаменательно, что Лу, жизнь которой была посвящена философским исканиям, родилась в 1861 году – переломном для России, когда крестьянская реформа положила начало небывалой разобщённости идейных взглядов, пугающе огромному количеству политических течений (социал-демократы, либералы, народники), каждое из которых имело ещё несколько ответвлений.

С детства она была ограждена от общественной борьбы, и, даже став взрослой, Лу долго не проявляла интерес к политике, но что-то от этой эпохи всё же было в характере «гениальной русской» (как называл её Ницше) – стремление к свободе, постоянная динамика мысли, внутреннее беспокойство и... утрата Бога.

В детстве она верила в Бога. В юности она перестала в него верить. В какой-то момент Бог для неё исчез, но осталось, как она сама пишет, «смутно пробудившееся чувство, которое уже никогда не исчезало – чувство беспредельного товарищества... со всем, что существует». Наверное, уже тогда судьба предопределила ей встречу с человеком, который на весь мир заявил, что Бог умер.

Как и когда это случилось? Пытливый ум ребёнка стали мучить «вечные вопросы», и Лу решила задать их Доброму Богу. Но ответа от него она не получила. С тех пор в своих мемуарах она будет говорить о богооставленности, которая навсегда связала её с действительностью и породила «ошу-

щение безмерной, судьбоносной сопричастности всему, что существует».

Другими словами, Лу Саломе пришла своим собственным путём к так называемому пантеизму – философскому, религиозному и просто мировоззренческому направлению, обожествляющему, то есть отождествляющему с Богом всё сущее, весь мир, некий «всеобщий знаменатель». Пантеизм утверждает, что Бог и мир суть одно.

Кем же была Лу Саломе – музой или роковой женщиной? И чувствовала ли она себя счастливой, имея странное предназначение – обогащать мир гениями?

Те из них, которые, обуреваемые противоречиями, в своём духовном развитии достигали вершины (Фридрих Ницше, Пауль Рэ), часто не выносили собственного знания и срывались в пропасть под названием Смерть.

Эта женщина была призвана созидать, но созидать через разрушение. Казалось бы, парадокс, но в этом вся Лу Саломе. У неё был удивительный дар пробуждать творческие силы в других людях.

Она была привязана к России всю свою жизнь. Она не просто любила Россию и тосковала по ней. Она ощущала свою причастность ко всему, что происходило в далёкой северной стране, где оставались родные и близкие ей люди. Обретаясь в городах западной Европы, она была как бы посланником русской культуры.

Россия присутствует прямо или опосредованно почти

во всех её книгах: в повестях «Руфь» (1895) и «Феничка» (1898), в сборниках рассказов «Дети человеческие» (1899), «Переходный возраст» (1902) и «Час без Бога» (1921), в романе «Ма» (1901), в письмах и воспоминаниях.

Главная тема её художественных произведений – детство и юность, раннее взросление, подростковый период, превращение девочки в девушку и женщину. Её героини проходят мучительный путь формирования личности. Упорно прислушиваясь к внутреннему голосу, подчиняясь своей «самости», они повергают в смятение родных и близких, учителей и воспитателей.

Поскольку почти все произведения Лу Саломе строятся на автобиографической основе, поскольку они отражают опыт детства и юности писательницы, в них так или иначе возникает тема России, всякий раз сопряжённая с темой богоборчества и богоискательства.

Не случайно книгу её воспоминаний открывает глава «Переживание Бога». И так же не случайно свой первый роман она назвала «В борьбе за Бога» (вышел в 1885 году под псевдонимом Генри Лу). Волновавшие её проблемы веры и безверия она всякий раз соотносила с впечатлениями и переживаниями детства и юности.

По словам одной хорошо знавшей её женщины, Гертруды Боймер, в Лу было нечто недостижимое и непостижимое, она как бы воплощала в себе частичку природы – живой, та-

инственной и самодостаточной. К тому же от природы она была наделена поразительным жизнелюбием.

В восемнадцать лет она весьма энергично убедила мать дать ей образование в лучших университетах Швейцарии.

А затем была «школа Ницше», по интенсивности подобная взрыву, с ночными бдениями и дискуссиями, сутками напролёт.

Но за год до этого произошла встреча, которая оказала влияние на всю её оставшуюся жизнь. Встреча с пастором Хендриком Гийо.

Юность. Пастор

Jugeng. Pastor

Youth. Pastor

Хендрик Гийо

Hendrik Gillot

(1836-1916)

Голландский священник. С 1873 года – пастор голландского дипломатического представительства в Санкт-Петербурге. Домашний учитель детей Александра II. Проповедовал по-немецки и по-голландски в небольшой церкви в аристократическом квартале города. Блестящий либеральный протестантский неортодоксальный оратор.

Отец и мать Лу, не будучи изначально глубоко верующими людьми, со временем совершили, по словам Лу, «настоящее путешествие в религиозный мир благодаря влиянию балтийского пастора Икена, который внёс в несколько сухое морализирование петербургских евангелических церквей пиетический благочестивый дух».

В своё время отец Лу, генерал Густав фон Саломе, запросил у императора разрешение на основание в городе Санкт-Петербурге евангелическо-реформатской церкви. И это раз-

решение он получил.

В шестнадцать лет Лу стала посещать занятия для конфирмантов при евангелическо-реформатской церкви. Ей претил суровый догматизм этого вероучения, воплощением которого был её консервативный пастор Дальтон, и на занятия она ходила только из любви и уважения к больному отцу.

Пастор Дальтон хотел бы подражать Икену, но ему не хватало вдохновения. Икен действовал как визионер. Дальтон же был по-прусски суров и педантичен, его называли «прокураторским» проповедником. Все боялись Дальтона, только Лу оказывала ему явное сопротивление. Такое поведение можно было списать на возраст, но Дальтон считал, что в этом ребёнке скрывается непонятная преждевременная зрелость духа.

Лу запомнилось, как во время одной из первых конфирмационных лекций у этого нетолерантного пастора она, услышав, что «нет такого места, где бы не присутствовал Бог», прервала его словами: «Есть такое место – Ад». С этого момента начинается её война с Дальтоном.

О существовании Сатаны Лу знала от матери, но удивлялась, как он может существовать возле Бога. Задавать Дальтону вопрос о реальности Дьявола и его искушений Лу не стала. Ей пришло в голову, что пастор не преминет обратить вопрос против неё и по существу она всё равно ничего не услышит.

Когда Лу сообщила ему, что собирается выйти из церкви,

он ответил сухо, что в такой ситуации должен поговорить с господином генералом.

Лу было 17 лет, её отец был в это время уже смертельно болен, и из любви к нему она согласилась на следующий год повторить ненавистный курс у пастора Германа Дальтона, чтобы получить освящение, как и её братья, в религиозной общине отца. Однако к этому времени она находилась уже в религиозном кризисе и поэтому в постоянном споре с пастором Дальтоном.

По рекомендации родственницы она вместе с ней посетила в начале мая 1878 года проповедь пастора Хендрика Гийо, которого она до тех пор не знала. Сделала она это втайне от семьи.

Голландский пастор Хендрик Гийо, домашний учитель детей Александра II, был властителем дум русской интеллигенции того времени. Проповеди этого довольно светского человека и рационалиста были известны всему Петербургу. Дальтон был его ярким противником.

Лу сразу поняла, что Гийо – личность поистине блестящая, широко эрудированная и фундаментально образованная. Пастор сразу покорила её своим обаянием. После его проповедей она возвращалась домой, переполненная восхищением и уверенностью в том, что «этот настоящий человек», «квинтэссенция действительности», должен стать для неё «Господом и орудием Господа».

Гийо был на двадцать пять лет старше Лу и имел двух до-

черей её возраста. В мае 1878 года она решилась отправить ему письмо:

«...Вам пишет, господин пастор, семнадцатилетняя девушка, которая одинока в своей семье и среди своего окружения, – одинока в том смысле, что никто не разделяет её взглядов, не говоря уже о тяге к серьёзным глубоким познаниям. Вероятно, весь строй моих мыслей ставит преграду между мной и моими сверстницами, всем кругом общения. Вряд ли может быть что-то более печальное для девушки, чем несходство её характера и взглядов, её симпатий и антипатий с характерами и взглядами, с симпатиями и антипатиями окружающих. Но так горько запереть всё в себе, потому что иначе сделаешь что-нибудь против приличий, и так горько чувствовать себя совсем одинокой, потому что тебе недостаёт приятных манер, которыми так легко завоевать расположение и любовь. Буду ли я конфирмоваться в будущем году у пастора Дальтона и признаю ли его кредо, я, право, не знаю, но знаю только, что никогда, никогда не буду разделять тщеславных представлений о выверенной по линейке праведности, против которой восстаёт всё существо моё. Вы сумеете, господин пастор, вообразить себе ту отчаянную энергию, с какой человек устремляется к малейшему проблеску света, и всю настоятельность моей просьбы, изложенной в начале письма...»

Письмо Лу, очевидно, произвело на пастора впечатление, и они встретились. Должно быть, между строками оно таило

нечто большее, чем просто просьба впечатлительной девушки о встрече, ибо ждал он её с нетерпением и, как только она вошла в комнату, обнял как давнюю знакомую.

Эта встреча была первой в череде тех судьбоносных сюжетов, которые круто изменяли жизнь Лу.

Лу Саломе.

Начинаются лекции, следы которых находим в записных книжках Лу, лекции, к которым Гийо готовился абсолютно серьёзно. Лу не протестует против «перебора» информации, а работает так, как будто впереди у неё выпускной экзамен. В сфере их интересов христианство в сравнении с буддизмом и исламом (Флейдерер «Философия религии на исторической основе»), примитивные религии, логика, метафизика, теория познания, французская литература и театр. Из философов Шиллер, Кант, Кьеркегор, Лейбниц, Вольтер, Фихте, Шопенгауэр. *«За несколько месяцев я вобрала в себя немалую часть наследия западной культуры».* Темп погружения в таинства наук, избранный ею, был настолько интенсивен, что не обошлось без хлопот со здоровьем – во время лекций Лу неоднократно падала в обморок.

В тот период Гийо работал в голландском посольстве: моряков необходимо было приводить к присяге, посему потребовалось создать пост священника. Он проповедовал в капелле на Невском как на немецком, так и на голландском языках.

«Я не пропускала ни одной проповеди в силу любопытства видеть, испытывают ли присутствующие надлежащий подъём и достаточно ли они пленены (он был блестящим оратором)».

Пастор целиком вовлек Лу в работу, она росла стреми-

тельно. Это была увлекательнейшая учёба и творческая деятельность до изнеможения. Лу часто писала для Гийо проповеди.

«Закончилось это в тот день, когда в творческом пылу я не воспротивилась искушению выбрать тему «Имя как звук и дым» вместо библейской цитаты. Это стоило ему выговора папского посла, о котором он мне сообщил с явно расстроенным видом».

В те времена, вспоминала Лу, в Гийо ей виделся Бог, и она поклонялась ему, как Богу. Драма назревала с неизбежностью. Чтобы предсказать её, не требовалось особой проницательности. Экзальтированная девичья идеализация должна была натолкнуться на живого человека.

«Гийо был мужчиной, которого я обожествляла и которого, вне этого усилия мифотворчества, я не могла ясно воспринимать. Между тем это обожествление было мне выгодно, так как... оказывалось необходимым для моей полноценной самореализации. Впрочем, амбивалентная установка, которая всегда лежала в основе моей личности, по отношению к нему проявилась в том странном факте, что я никогда не была с ним «на ты», даже когда он обращался ко мне именно так, и это невзирая на то, что мы вели себя как любовники, на деле ими не являясь. Моя жизнь протекала в интимных нюансах, – и «ты» не могло их передать...

Таким образом, мой учитель, вопреки суровости, неизбежно становился достаточно расточительным, каким

был когда-то «Божественный дед» моей детской религии, который всегда внимал зову моих желаний: господин и средство сразу, проводник и соблазнитель, он, казалось, служил всем моим незамутнённым намерениям. Но, насколько он вынужден был остаться для меня в некотором роде замещением, двойником, возвращением к утраченному Доброму Богу, настолько он был не способен дать мне подлинно человеческую развязку нашей истории любви».

Они неуклонно сближались, и это было мучительно для обоих. Однажды Лу потеряла сознание, сидя на коленях у пастора. Атмосфера лекций была тайной, не раз он просил слуг о молчании, вынашивая далёкие от диктуемого материала планы... Дух конспирации, нежные рукопожатия, отеческие поцелуи Гийо и определённый уровень интимного напряжения, царящий в этой нестандартной ситуации, должны были мало-помалу пробудить её женственность.

«Бывает, что для всей жизни наступает момент, когда стремишься к новому дебюту, разновидности возрождения, и формулировка, определяющая чувственную зрелость как второе рождение, верна. Но именно из-за медлительности моего созревания неполный опыт любви хранил для меня несравнимое, уникальное очарование, сопряжённое с ощущением неопровержимой подлинности, так что всё это не нуждалось ни в каких проверках».

Лу разрывалась между состоянием глубокого духовного комфорта, который несла близость с пастором, и всевозрас-

тающей тревожностью, беспокойством, в коих она не решалась ему сознаться, боясь нарушить хрупкое равновесие их связи. Гийо же втайне думал о разводе: он был убеждён, что она, которая с такой готовностью и усердием принимала все его знания и замечания, когда пробудится к полной жизни, без труда примет и этот план.

Гийо ещё предстояло узнать, что эта женщина никогда никому не будет полностью покорна, неизменно сохраняя исключительное право на независимые решения.

Развязку ускорила смерть отца Лу. Он умер 23 февраля 1879 года. Гийо настоял, чтобы она рассказала матери об их уроках. Смирившись с этим требованием, Лу сделала это на свой манер – с полной непосредственностью она вечером заявила матери: «Возвращаюсь от Гийо». И ничего не пожелала добавить. Не помогли ни истерические спазмы, ни допросы матери. Всё свелось, как и спланировал Гийо, к необходимости встречи родительницы и учителя.

Лу, прислушивавшаяся за дверью к разговору, запомнила только две фразы:

«Вы виноваты перед моей дочерью!» – кричала мать.

«Хочу быть виновным перед этим ребёнком», – отвечал Гийо.

Услышав это, Лу не почувствовала никакого женского триумфа, а лишь удовлетворение, что мать, похоже, осажена и, возможно, не станет противиться дальнейшим урокам.

Разговор закончился тем, что Гийо попросил у г-жи Са-

ломе руки её дочери. Такой поворот событий поверг Лу в шок... Она пережила это как вторую богоутрату.

«Конечно, меня многое оправдывало: и разница в годах, и полярность последней страсти и первого пробуждения любви, к чему прибавлялся ещё и тот факт, что мой друг был женат и имел двоих детей приблизительно моих лет (последнее обстоятельство меня не смущало по той простой причине, что оно характеризовало Бога как существо, связанное со всеми существами и принадлежащее всем, хотя и без упразднения исключительности его индивидуальной связи со мной). Но, кроме того, я была ещё ребёнком – тело юной девочки с Севера развивалось медленно. Следовательно тело, со своей стороны, должно было высвободить эротический импульс, который оно получило, но без того, чтобы психика взяла на себя или компенсировала это освобождение. Когда подошёл решающий и непредвиденный момент, в который он предложил мне осуществить на земле высшее наслаждение жизни, я почувствовала себя совершенно неготовой. То, что я обожествляла, вдруг одним ударом покинуло моё сердце, мою душу и стало мне чуждым. Чувствовать нечто, что имело чистые притязания, и не довольствоваться самореализацией в малости и вдруг натолкнуться на то, что, наоборот, этой реализации угрожало и пыталось даже отклонить правый путь усилий, которые я тратила, чтобы найти себя (гарантом чего и был до сих пор Гийо); обрести себя – и лишь для того, чтобы от-

дать себя в рабство Другого, – всё это при свете дня привело к упразднению Другого для меня».

Был ли это глубинный страх подлинной близости? Горечь от утраты сакральной дистанции? Уже тогда возникшее предчувствие иного, совершенно особого пути? Во всяком случае сексуальная близость для будущего автора «Эротики» была вещью принципиально отклоняемой ещё много лет.

И хотя нестандартность её образа жизни была чревата славой о «распущенности», на деле она отменила своё табу только после тридцати лет. Мотивы, стоящие как за первым, так и за вторым решением, остаются для исследователей весьма загадочными.

И это интригует тем сильнее, что ко времени своего тридцатилетия Лу уже давно, с июля 1887 года, была замужем за Фридрихом Карлом Андреасом. Однако их брачный договор включал непреклонное условие Лу – отказ от интимной близости.

В своих воспоминаниях она сама затрудняется дать объяснение многим своим поступкам. Достоверно известно, впрочем, что к пятидесяти годам, эпохе её наивысшего женского расцвета, Лу радикально изменила свои убеждения – свидетельством чему стала её нашумевшая «Эротика».

Тем временем упрямый отказ Лу конфирмоваться у Дальтона выглядел как вызов не только религиозным устоям, но и национальным традициям. Лу вспоминает:

«Дело в том, что евангелическо-реформатские церкви – французская, немецкая и голландская – являлись для неединородных, то есть неправославных семей, наряду с лютеранскими, чем-то вроде оплота веры и национальной культуры. Даже тогда, когда иные иностранцы полностью уходили в русскую веру. Поэтому мой уход из церкви был неизбежно сопряжён с общественной опалой, от чего, в частности, сильно страдала моя мать.

О моем отце, который умер незадолго перед этим, я знала определённо, что он, несмотря на ещё более глубокую скорбь из-за неверия своей дочери, всё же одобрил бы этот шаг... Он не имел привычки говорить о религиозных мнениях, и только тогда, когда я после его смерти получила в подарок Библию, которую он держал преимущественно в личном употреблении, передо мной по тонко подчёркнутым местам предстал его истинный портрет верующего. Благоговение, молчаливое смирение и детская доверчивость этого мужественного, деятельного, авторитетного человека так глубоко взволновали меня, что я, в свои шестнадцать лет, оказалась буквально в плену у страстного желания узнать о нём всё больше и больше».

Напоследок пастор принял участие ещё в одном судьбоносном для своей ученицы эпизоде её жизни: Гийо помог ей получить паспорт для отъезда за границу – для человека без вероисповедания это было нелегко.

Мысль оставить Россию принадлежала Лу. Она желала

ехать в Европу, считая себя полностью готовой к обучению там. Такой радикальный выход изобрела она для себя в этой ситуации.

Сообщив о своих планах и Гийо, и матери, она, естественно, поначалу встретила сопротивление: мать ничего не хотела слышать, Гийо воспринял её решение с болью. Но, желая сохранить себя в её памяти, понимая бесповоротность её намерений, а может быть в душе ещё надеясь на возвращение, он дал Лу своё благословение.

Когда русские власти ответили категорическим отказом выдать документы, Гийо решил сам подтвердить девушку. Он предложил добыть сертификат о конфирмации с помощью одного из своих друзей, имевшего соответствующие полномочия в маленькой голландской деревушке Сантпорт.

«Мы оба были растроганы этой странной церемонией, на которой присутствовали окрестные крестьяне и которая происходила в одно из воскресений, в прекраснейшем из месяцев – мае. Нам нужно было сразу же после неё расстаться – то, чего я боялась как смерти. Моя мать, которая нас сопровождала туда, к счастью, не понимала ни слов священной церемонии, происходившей на голландском языке, ни слов конфирмации, произнесённых в конце, – почти слов о браке: «Не бойся ничего, ибо я тебя выбрал, я тебя назвал твоим именем, ты есть во мне». (Это действительно он первый дал мне имя Лу, потому что он никак не мог произнести его русский вариант – Лёля)».

И над склонённой головой конфирмантки торжественно прозвучали библейские стихи, обретая в устах пастора пронзительный двойной смысл:

Когда пойдёшь через воды, я буду с тобой.

И когда через реки, они не затопят тебя.

И когда пойдёшь сквозь огонь, он не поглотит тебя.

Лу всю жизнь будет мысленно возвращаться к этой истории своей юности, стремясь переварить этот опыт и понять себя, ведь именно в этой точке пути закладывались зёрна всей её будущности.

«Эта история позволяет мне понять любовные процессы вообще, в той мере, в какой Другой в любви – даже если он не представляет Бога, как здесь, – преувеличен почти мистическим образом, чтобы стать символом всего чудесного. Любить в полном смысле слова – быть в состоянии предельного требования по отношению к Другому. Существо, которое имело власть делать нас верящими и любящими, остаётся в самой глубине нас нашим Господином, даже если чуть позже станет противником... Любовь похожа на упражнения в плавании с мячом: мы действуем так, как если бы Другой сам по себе был морем, которое нас несёт, и непотопляемым шаром, который держит нас на плаву. Поэтому он становится для нас одновременно и настолько же драгоценным и незыблемым, как наша исконная родина, и настолько же волнующим и смущающим, как беско-

нечность».

Гийо останется её доверенным корреспондентом, к советам которого она будет прибегать в наиболее решающие моменты своей новой жизни за границей. К нему она обратится вновь в 1886 году с просьбой обвенчать её с Фридрихом Карлом Андреасом.

Смысл истории с Гийо долго не будет давать ей покоя. Лу посвятит ей главу «Опыт любви» в знаменитой книге воспоминаний «Моя жизнь».

Она же послужит прообразом фабулы её романа «Рут», который потом больше всего будет любить Рильке. Этот роман, появившийся в печати в 1895 году как четвёртая книга Лу Саломе, – современная история Элоизы и Абеяра – Рут Делорм и Эрика, – которая не оканчивается так трагично. Популярность его была велика. Лу получала письма от многочисленных читателей, и даже спустя годы поклонники романа приходили к ней лично, чтобы выразить восхищение. Как сказал один из критиков, «такие повести обречены на успех». Во всяком случае, можно констатировать, что из романа можно узнать о тайнстве её отношений и её переживаний больше, чем из непосредственных воспоминаний.

Однако первую художественную дань этой истории Лу отдала ещё до отъезда из Петербурга. Она посвятила пастору «Молитву к смерти»:

В день, когда я буду на ложе смерти –

*Всего лишь угасшая искра, –
Ласка твоих столь любимых рук
Ещё раз коснётся моих волос.*

*Перед тем как положат в землю
То, что должно в неё возвратиться,
Оставь на моих тобою любимых губах
Ещё один поцелуй.*

*Но не забудь: в этом столь чуждом гробу
Я лишь на вид отдыхаю,
Так как отныне в тебе моя жизнь воцарилась,
И вся я всецело в тебе.*

Спустя годы Лу метафизически прокомментирует последние строки стихотворения:

«Это удвоенное единство, которое возникает лишь за счёт земного исчезновения, недвусмысленно свидетельствует об аномальной трансформации, которую пережила эта любовь. Следует, между тем, отличать аномальное восприятие мною всего, что ведёт к буржуазному браку со всеми его последствиями (для которого я тогда не созрела), и аномалию, связанную с полотном религиозного опыта моего детства. Именно этот опыт изначально не допускал ориентации моего поведения влюблённой на привычный исход. Моё чувство, простираясь за пределы бесконечно любимой персоны, предназначалось почти религиозному символу, ко-

торый этот человек представлял».

И хотя Лу воспевала смерть, факт её отъезда в Европу привел к необъяснимому её выздоровлению: раздвинувшийся жизненный горизонт удивительным образом излечил Лу от обмороков.

Становясь «тем, что она есть», Лу предоставляла право своему близкому окружению либо уйти с её пути, либо соответствовать её жизненному эксперименту.

Гийо был первым из длинной череды мужчин, заворожённых её даром творить из ничего целый мир интенсивной духовной близости. Но он же был первым, кто столкнулся с не женской твёрдостью, с которой она требовала соблюдения в «этом мире» установленных ею законов. Лишь на таких условиях можно было сохранить туда доступ.

Впрочем, у неё было врождённое чувство справедливости, и она ожидала от ближних только тех ограничений и жертв, которые сама уже принесла. Не научившись ставить точку в своём потакании «слишком человеческому», разве посмела бы она требовать этого от других?

Итак, в сентябре 1880 года Лу с матерью обосновываются в Цюрихе. Благодаря помощи хороших знакомых из Петербурга, живущих в недалёком Рейхенбахе, они быстро находят здесь квартиру. Мать не скрывает своего желания быть с дочерью как можно дольше, и не только из-за беспокойства о её легких, но куда больше из страха оставить Лу в одиночестве, следствием чего, по её мнению, может стать новый

Гийо.

В феврале 1882 года фрау Саломе привезла дочь в Рим, не столько следуя программе её интеллектуальных исканий, сколько для поправки её здоровья. У Лу были слабые лёгкие, и любое нервное потрясение вызывало у неё лёгочное кровотечение. Последним таким потрясением, всерьёз напугавшим близких, была, естественно, история с пастором Гийо, сопровождавшаяся ссорой с матерью и отказом от конфирмации.

Наиболее приемлем для неё вариант замужества дочери, но об этом Лу не хочет и слышать – она исполнена жажды абсолютной свободы и познаний.

Лу Саломе.

В Риме 20-летняя Лу познакомилась с 65-летней Мальвидой фон Мейсенбург. Это была женщина редкой доброты, гений филантропии, неустанный поборник освобожде-

ния женщин и близкий друг Александра Герцена. Она была его многолетним корреспондентом, воспитывала его дочерей и подолгу жила в его доме в Лондоне. Герцену она казалась «необыкновенно умной, очень образованной и... пребезобразной собой».

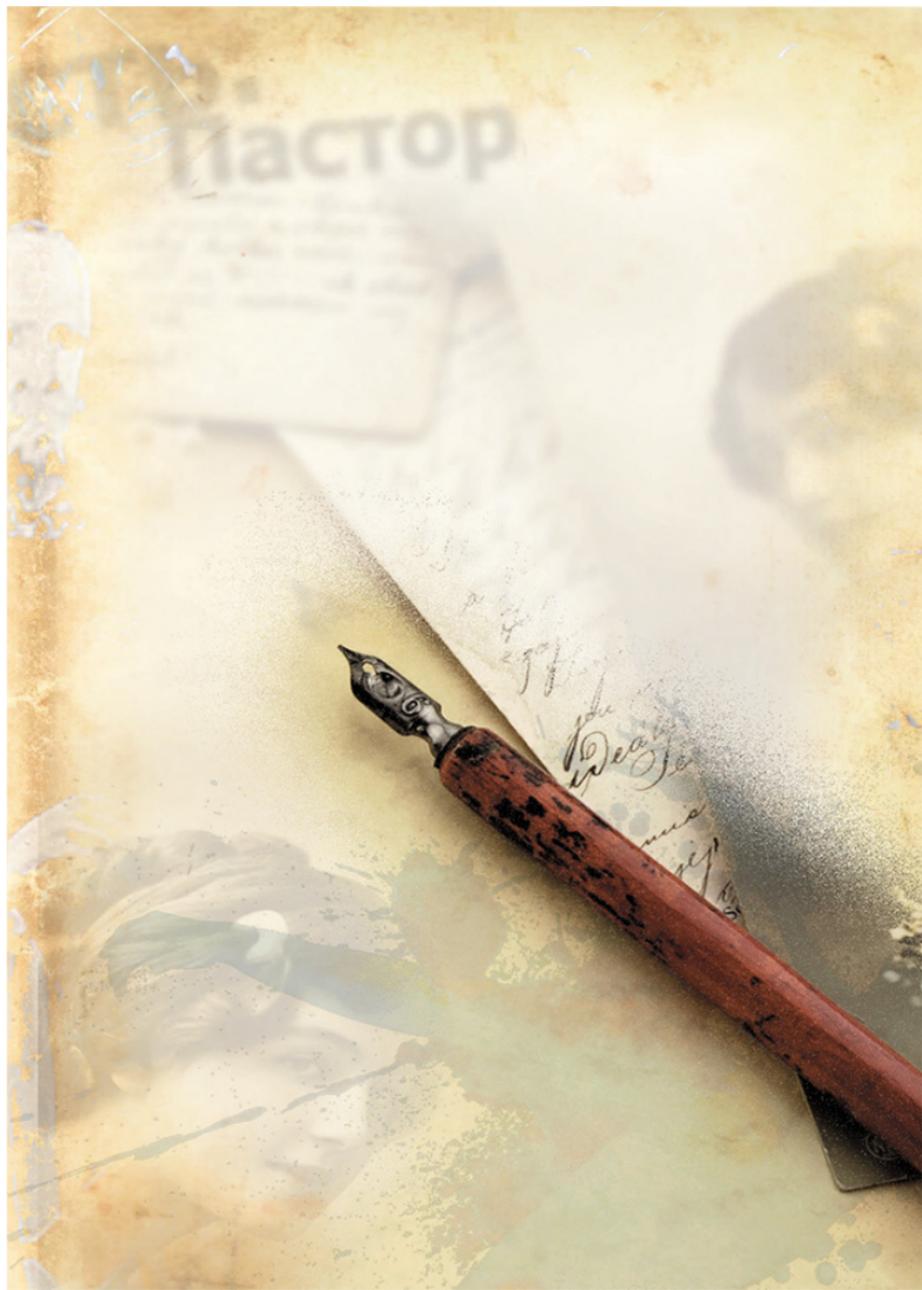
Мальвида начинает опекать Лу и приглашает её в свой интеллектуальный салон.

В 1901 году Мальвида фон Мейсенбург была номинирована на первую Нобелевскую премию по литературе. Кроме неё среди двадцати двух номинантов были также Эмиль Золя и Фредерик Мистраль.

Первым Нобелевским лауреатом по литературе стал француз Рене Франсуа Арман Прюдомм с формулировкой: «За выдающиеся литературные добродетели, особенно же за высокий идеализм, художественное совершенство, а также за необыкновенное объединение душевности и таланта, о чём свидетельствуют его книги».

В 1890-е годы поэт был довольно популярен в России.

С лёгкой руки Мальвиды фон Мейсенбург Лу познакомится с Паулем Рэ и Фридрихом Ницше.

Начало полёта

Anfang des Fluges

Flight Initiation

Мальвида фон Мейсенбург

Malwida von Meysenbug

28.10.1816, Кассель – 23.04.1903, Рим

Немецкий писатель, номинант первой Нобелевской премии по литературе 1901 года.

В конце XIX века Цюрих не менее Парижа и Вены претендовал на роль европейской столицы наук и искусств. Наряду с этим он был отмечен особым привкусом свободомыслия. Французские атеисты, итальянские анархисты, русские нигилисты и социалисты чувствовали здесь себя вольготно и создавали группировки, беспокоя своими акциями консервативное население. Постепенно они изменили интеллектуальный климат города. Хотя их присутствие и деятельность не вызывали всеобщей симпатии, они привели к тому, что границы толерантности расширились и город приобрёл репутацию либерального.

Уже вскоре после прибытия в Цюрих дочь и мать Саломе стали свидетелями большой студенческой демонстрации, проводимой в поддержку убийства царя Александра II. Мать

не позволила дочери принять в ней участие, хотя сама была не на шутку заморожена происходящим.

«Вероятно, нечто революционное могло быть не совсем чуждо моей матери. Она была не только по-настоящему мужественной, ей в принципе нравилось скорее доводить ссоры до конца, чем улаживать их. Потом, во время предреволюционного периода 1905 года, она, невзирая на свой возраст, с трудом удерживала себя от того, чтобы не выходить на взволнованные улицы, где постоянно слышалась стрельба, от которой обе её домашние прислуги – робкие девочки – отмахивались обеими руками...»

Лу была отнюдь не робкого десятка, но, к удивлению матери, никак не опротестовала её запрет на участие в демонстрации. Она, молившая жизнь о «бурях», вдруг обнаружила, что бури политические не задевают её за живое. Между мотивами, подтолкнувшими её к учёбе за границей, и причинами, подвигшими на это её соотечественниц, лежала целая пропасть.

«Во время моей учёбы в Цюрихе, в начале которой убийство Александра II нигилистами праздновалось русскими студентами факельными шествиями и с буйной экзальтацией, я едва ли могла вовлечь моих сокурсниц в обсуждение чего-либо иного. Скоро я поняла, что свою учёбу они использовали преимущественно как политическое прикрытие их пребывания за границей. Не для конкуренции с мужчиной и его правами, а также не из научного честолюбия,

не ради собственного профессионального развития они учились, а только лишь для одной цели: чтобы получить возможность идти в русский народ, страдающий, угнетённый и неграмотный, которому эти знания должны помочь. Потоки врачей, акушерок, учительниц, попечительниц любого вида непрерывно устремлялись из аудиторий и академий в самые дальние, глухие сельские местности, в оставляемые деревни. Женщины, которые по политическим мотивам в течение всей жизни находились под угрозой арестов, ссылок, смерти, полностью отдавались тому, что просто соответствовало их самому сильному и самому дорогому порыву».

Почти сразу же после переезда в Рим, в феврале 1882 года 20-летняя Лу знакомится с 65-летней Мальвидой фон Мейсенбург. Это была женщина редкой доброты, гений филантропии, неустанный поборник освобождения женщин и близкий друг Александра Герцена. Она была его многолетним корреспондентом, воспитывала его дочерей и подолгу жила в его доме в Лондоне.

Лу была представлена ей посредством рекомендательного письма цюрихского профессора Готфрида Кинкеля, историка и археолога, фрондёрская репутация которого роднила его с Мальвидой, известной в своё время активисткой социалистических сообществ в Гамбурге.

Кинкель полагал необходимым устроить для Лу «римские каникулы». Он несколько преувеличивал опасность её бо-

лезни, но драматизм его формулировки обеспечил Лу кратчайший путь к сердцу Мальвиды. Можно ли было остаться равнодушной к судьбе «девушки, которая так любит жизнь, будучи столь близка к смерти»?

Любопытно, что первым впечатлением Ницше о Лу тоже было опасение в «недолговечности этого ребёнка». Быть может, сочетание её возвышенности с её же хрупкостью породило обманчивый образ почти библейского «немогшего сосуда, наполненного благодатью»?

Мальвида фон Мейсенбург родилась в немецком городе Кассель. Её отец Карл Ривальер фон Мейсенбург происходил из семьи французских гугенотов и получил титул барона от германского монарха Вильгельма Первого.

Девятая из десяти детей, она прекратила общение с семьёй из-за своих политических убеждений. Двое её братьев сделали блестящую карьеру: один стал министром в Австрии, другой – министром в Карлсруэ.

Мальвида присоединилась к социалистическому сообществу в Гамбурге, а затем в 1852 году эмигрировала в Англию. Там она встретилась с республиканцами и политическими беженцами, в том числе с Готфридом Кинкелем.

Для своей знатной семьи Мальвида была настоящим позором, и её вынужденный отъезд в Англию окончательно укрепил родственников в их мнении.

В Лондоне Мальвида зарабатывала на жизнь частными уроками, «вращалась» в хорошем обществе, общалась с эми-

грантами демократического и революционного направления, была в дружеских отношениях с итальянцем Гарибальди, венгром Кошутом и другими, более широко известными в узких кругах деятелями.

Познакомившись с Герценом, который после смерти жены переехал в Лондон, Мальвида пришла в восторг от его «острого, блестящего ума» и «изумительно блестящих глаз, в которых отражалось малейшее движение души». Вскоре Герцен пригласил Мальvidу помочь ему в воспитании двух младших девочек, а также давать уроки старшей из них. Мальвида с радостью согласилась, а увидев двухлетнюю Ольгу – «замечательно миловидное, миниатюрное существо», – полюбила её как своего ребенка со своей силой непроявившегося до тех пор материнского инстинкта.

Воспитание шло отлично, девочки росли, Мальвида занималась с ними и учила русский язык, причём вполне успешно, так как позже она делала переводы: кроме «Былого и дум» Герцена, она перевела «Детство» Толстого и кое-что из Тургенева. Вечерами же «освежала свой ум беседами с замечательным Герценом».

Вот, например, очень характерный отрывок из её воспоминаний:

«Часы, в которые этот выдающийся человек открывал мне неведомый мир своей огромной, далёкой, окутанной туманами родины, были настоящими оазисами в скудном однообразии моей жизни. Скоро этот дом с прелестными

детьми стал для меня местом отдыха и подкрепления сил, благодаря чему жизнь опять начала приобретать для меня умиротворяющую отрадную прелесть, и работа не казалась мне только скучной поденщиной, а давала вместе с мирным удовлетворением и счастливые успехи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.